

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-356-378

Встречь ветру: северо-восток и норд-ост в динамике русского фронта

Валерий Владимирович Мароши

Красноярский государственный
педагогический университет имени В. П. Астафьева
Красноярск, Россия
maroshi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0024-9490>

Аннотация

Статья посвящена роли северо-востока как географического направления в истории русского фронта и символике ветра норд-оста. Эти геопоэтические мотивы соплагаются в стихотворении М. Волошина «Северовосток», в романе «Два капитана» В. Каверина, в паратексте и тексте либретто современного российского мюзикла «Норд-Ост», созданного на основе романа. Анализируются контексты мотива норд-оста в русской поэзии первой половины XX в., прежде всего в творчестве поэтов Причерноморья, севера Прибалтики и Сибири, которые обусловили семантику экстремальности и локальной эсхатологии, присущие этому ветру. В свою очередь, мотивы ветра и вьюги значимы для сюжетов русского первопроходчества и для зоны контакта с инфернальным пространством или диким раем Сибири.

Ключевые слова

фронт, русская литература, мюзикл, мотив, северо-восток, норд-ост, ветер

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00071, <https://rscf.ru/project/25-18-00071/>

© Мароши В. В., 2025

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 356–378

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2025, no. 2, pp. 356–378

Для цитирования

Мароши В. В. Встречь ветру: северо-восток и норд-ост в динамике русского фронта // Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 356–378. DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-356-378

Towards the Wind: Northeast and Northeast Wind in the Dynamics of the Russian Frontier

Valerij V. Maroshi

Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafyev
Krasnoyarsk, Russian Federation
maroshi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0024-9490>

Abstract

The article focuses on the role of the northeast as a geographical direction in the history of the Russian frontier as well as on the symbolism of the northeast wind. These geopoetic motifs are present in Maximilian Voloshin's poem "Severovostok," in V. Kaverin's novel "Two Captains," and in the paratext and libretto of the modern Russian musical "Nord-Ost," which is based on the novel. The article analyzes the contexts of the northeast wind's motif in Russian poetry of the first half of the 20th century, primarily in the works of poets from the Black Sea region and Siberia. These authors contributed to the semantics of extremity and local eschatology associated with this wind. In turn, the motifs of wind and blizzard are significant in Russian literature for the themes of Russian pioneering and for depicting the zone of contact with the infernal realm or with the wild paradise of Siberia.

Keywords

Frontier, Russian literature, musical, motif, Severovostok, North-East, wind

Acknowledgements

The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation no. 25-18-00071, <https://rscf.ru/project/25-18-00071/>

For citation

Maroshi V. V. Towards the Wind: Northeast and Northeast Wind in the Dynamics of the Russian Frontier. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2025, no. 2, pp. 356–378. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-356-378

Название мюзикла «Норд-Ост», на которое прежде всего откликается информационная среда, стало в российском обществе знаком с ярко выраженными негативными коннотациями, однако их уточнение не входит в круг наших задач. Трагически прерванный на взлете своей успешности, этот проект российской массовой культуры претендовал на синтез адаптации нового для нашей поп-культуры жанра мюзикла с love story и эпизодами в духе соцреализма. Эта эстетическая территория еще не была освоена, возможно, поэтому авторы попытались определить ее в образах, близких к фронтирному дискурсу.

В 2001 г., до теракта, его создатели и продюсеры, в 1980–1990-х известные российские барды А. Иващенко и Г. Васильев (дуэт «Иваси»), раскрыли смысл его названия в своеобразном метатексте, предваряющем текст их либретто на сайте проекта: «Во-первых, “норд-ост” – это ветер, который, как правило, связан с переменной погоды, и мюзикл “Норд-Ост” оказался таким “ветром перемен” для российского театра. Во-вторых, в направлении норд-оста, северо-восточных окраин России, шли, как и сотни других первопроходцев, герои романа “Два капитана” – Иван Львович Татаринцов и Александр Григорьев. Можно сказать, что этот путь всегда был главным направлением в геополитическом развитии России, которая много веков прирастала именно землями Арктики и Сибири. В-третьих, наша страна расположена как раз на северо-востоке по отношению к другим странам Старого Света, поэтому “Норд-Ост” можно рассматривать как спектакль о России»¹.

Надо сразу признать, что намеченные авторами горизонты смыслов разнонаправлены. У них получилась на первый взгляд озадачивающая смесь нового и старого, истории, геополитики, географии и метеорологии.

Преемственность поисков российской экспедиции начала XX в. и советского этапа продолжения освоения Арктики в 1930-х гг. была заложена еще в названии и сюжете «Двух капитанов» В. Каверина. Однако авторы либретто раздвинули перспективу своего культурного проекта как в будущее, как им казалось, российского театра, так и в героическое прошлое русского прорыва в Сибирь и Арктику в XVI–XVII вв. Упомянув про «сотни русских первопроходцев», они обозначили для потенциальных читателей гораздо больший смысловой потенциал по сравнению с текстом самого либретто и театральным зрелищем. Действительно, советский полярный летчик Саша Григорьев стал продолжателем дела первопроходцев, ведь он

¹ НОРД-ОСТ. URL: <http://www.nordost.ru/show/quest> (дата обращения 23.07.2025).

ищет и находит следы пропавшей экспедиции Татаринова, которая открыла существование в 1913 г. Северной Земли. Напомним, что только во второй половине 1930-х, по мере развития полярной авиации, удалось завершить обследование акватории Северного Ледовитого океана и картографирование ее островов, спасти во льдах первопроходцев-челюскинцев, разрешить наконец загадку «Земли Санникова». В свою очередь, роман «Два капитана» (1940–1945) издавался в разгар идеологической кампании реабилитации русской национальной истории. Связав воедино героиню российской Империи и советского проекта, авторы мюзикла выступили в роли медиаторов волны ностальгии российского общества по советскому героическому прошлому, которая возникла в начале 2000-х, сменив разрушительную риторику 1990-х.

Однако все это не объясняет смену персонажно ориентированного смысла названия романа на историко-геополитический и географический в предисловии к тексту либретто. В конце концов и с сюжетом их мюзикла он тоже связан весьма слабо. Хотя экспедиция капитана Татаринова искала еще не открытые острова на северо-востоке России, в районе нынешней Северной Земли, соответствующие мотивы мы встречаем в тексте самого романа всего два раза: в докладной записке первопроходца («В начале апреля 1913 года мы видели на норд-остовом горизонте резкую серебристую полоску и над нею очень странные по форме облака, похожие на туман, окутавший далекие горы» (Каверин, 1961, с. 521)) и в направлении полета Саши Григорьева, в результате которого будет обнаружен багор исчезнувшей экспедиции: «Вот кто был на самолете утром пятого марта, когда мы поднялись в Заполярье и взяли курс на северо-восток... Итак, все было в порядке, когда мы поднялись в Заполярье и взяли курс на северо-восток» (Каверин, 1961, с. 236–237).

Масштабное описание пурги, в которую попадет самолет, и вынужденной посадки во время нее растягивается на целую главу (гл. 12 4-й части романа – «Пурга»). В неизбежную для климата этих краев пургу попадает и экспедиция Татаринова, этот мотив противостояния стихии в романе, помимо всех прочих, связывает русского и советского первопроходцев, «двух капитанов»: «Все еще спрашивал толстый доктор, дают ли “добро”, и по-прежнему не давали “добро”, потому что по-прежнему не унималась, рвалась, рассыпалась снежным зарядом пурга» (Каверин, 1961, с. 520); «По привычке, я пишу еще “мы”, хотя вот уже три дня, как бедный Колпаков умер. И я не могу даже похоронить его – пурга! Четыре дня пурги – оказалось, что для нас это слишком много» (Каверин, 1961, с. 523).

В либретто, как и в романе, Саня Григорьев, обнаружив следы экспедиции, собирается продублировать в воздухе весь маршрут капитана Татаринова: «Я повторю на самолете маршрут “Святой Марии”! // И кружится, как много лет назад, голова. // ГлавСевМорПуть даёт добро!»²; «– Я слышал, он хлопчет // В инстанциях высоких // О рейде поисковом // На северо-востоке. // Он, видите ли, хочет // Все сразу и немедля. // На редкость непоседлив Заклятый ваш друг»³. Таким образом, авторы либретто в своей автоинтерпретации романа не просто заметили этот рассеянный в тексте мотив, но и значительно усилили и расширили его смысл, введя его в паратекст и метатекст мюзикла.

В метатексте от авторов первым заявлен норд-ост как ветер, несущий перемену погоды, аналогично самому мюзиклу, новаторскому проекту для российского театра. Естественно, что в сферу освоения этого нового оказываются вовлечены не только нон-конформистски настроенные пионеры эстетического авангарда, но и первооткрыватели в сфере массовой культуры. И они не преминули вставить мотив такого обновления, которое символизирует норд-ост, в либретто:

(Саня) – Катя...

(хор) – Сдует с кормы норд-ост

(Саня) – Ты мне веришь?

(хор) – Весь старый, ненужный хлам...⁴.

Но этот автоматотекстуальный мотив в либретто единичен, хотя в «финале-апофеозе» пьесы он переосмысляется как часть романтического порыва героев вдаль и ввысь: «Там, в неизведанной дали // Ветер свеж, волна крепка, // Там, на краешке земли // Сердце рвётся в облака»⁵. Если расширить исторически закреплённый смысл фронта, который был связан с освоением «диких», ещё не освоенных территорий, то не только два ключевых героя романа и мюзикла, но и сами авторы осознали себя «pioneer», первопроходцами жанра и масштабного театрального проекта.

² Норд-ост. Либретто. URL: [https://vk.com/away.php?to=http%3A%2F%2Fotnord.narod.ru%2F&utf=1](https://vk.com/away.php?to=http%3A%2F%2Fostnord.narod.ru%2F&utf=1) (дата обращения 25.07.2025).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Было бы интересно выяснить, входила ли рефлексия интертекстуальности мотива норд-оста как ветра в творческую интенцию создателей мюзикла. В опубликованных интервью они об этом не распространялись, указав лишь на его метафорический смысл перемены, обновления атмосферы. Пока же попробуем предположить, что они отчасти тем самым осознавали особую значимость мотива норд-оста в русской литературной климатологии и геопозитике. Ведь в тексте романа Каверина именно этот мотив не встречается, а вот в русской и советской литературе – сколько угодно. Прежде всего в очерках, живописующих то, что называлось сначала «физиологией», а затем «бытом» разных локусов черноморских побережий России, для которых приход норд-оста всегда становился регулярным, хотя и экстремальным климатическим событием. Это встреча холодного и теплого, юга с севером, своего и чужого, что является ключевым для фронтирной коммуникации. Еще короче – столкновение с хаосом, непредсказуемостью и неизвестностью.

Так, «Веселые минуты» (1886) Г. И. Успенского знакомят читателей с Новороссийском и его необычным шквальным ветром, а цикл очерков «Листригоны» А. И. Куприна (1911) – с опасностями, подстерегающими рыбаков крымской Балаклаи: «Бора – иначе норд-ост – это яростный таинственный ветер, который рождается где-то в плешивых, облезших горах около Новороссийска, сваливается в круглую бухту и разводит страшное волнение по всему Чёрному морю. <...> Ветер этот страшен своей неожиданностью: его невозможно предугадать – это самый капризный ветер на самом капризном из морей» (Куприн, 1964, т. 9, с. 120–121).

Наиболее интенсивно такой норд-ост в виде мотива распространяется в русской лирике первой трети XX в. Его вторжение в атмосферу (а это, скажем, преобладающий ветер в розе ветров многих причерноморских городов) влечет за собой буйство воздушной и морской стихий и одновременно маркирует исторические катаклизмы – революцию и гражданскую войну. Его экстремальность по сравнению с обычным ветром и даже своеобразную локальную апокалиптичность (для ворон!) еще в дореволюционное время ощутил И. А. Бунин:

Но нет, ты, ветер, тут бессилен:
Тут нужен бешеный норд-ост,
Чтоб из запутанных извилин,
Из сучьев вырвать шапки гнезд.

И буря будет. И вороны,
Кружась, кричат, что мир погиб,
Что гнезда их – венцы, короны
И украшения для лип.
(Бунин, 1987, т. 1, с. 396).

Разумеется, М. И. Цветаева восприняла его звуко-символику (норд-ост / ночь) в контексте дионисийского разгула революции:

Ночь. – Норд-Ост. – Рев солдат. – Рев волн.
Разгромили винный склад. – Вдоль стен
По канавам – драгоценный поток,
И кровавая в нем пляшет луна.
Ошалелые столбы тополей.
Ошалелое – в ночи – пенье птиц.
Царский памятник вчерашний – пуст,
И над памятником царским – ночь.
Гавань пьет, казармы пьют. Мир – наш!
Наше в княжеских подвалах вино!
Целый город, топоча как бык,
К мутной луже припадая – пьет.
(Цветаева, 1990, с. 160)

Тонко чувствует его смертоносную и страшную сущность, созвучную атмосфере террора, Г. Шенгели:

Норд-ост ревет и бьет о дом пустой.
Слепая тьма ведет меня в трущобы,
Где каменные обмерзают гробы.
Но – поворот, и вот над чернотой
Стеклянный куб, сияньем налитой,
Тень от штыка втыкается в сугробы,
И часовых полночные ознобы
Вдруг застывают в ледяное «стой!».
И пуговица путается туго
Под пальцами, и вырывает вьюга
Измятые мандаты, а латыш
Глядит в глаза и ничему не верит:
Он знает всё, чего и нет... Вдоль крыш
Лязг проводов верстою время мерит.
(Шенгели, 2017, т. 1, с. 397).

Для петербуржца К. Вагинова, попавшего в начале 1930-х гг. в крымский санаторий, локальный норд-ост – подвижная рамка для inferнального («подземного») ледяного мира, в котором блуждает его лирический герой: «Норд-ост гнул пальмы, мушмулу, маслины // И веллингтонию, как деву, колебал. <...> И ветер бил студеным кнутовищем, // Цветы и травы истязал» (Вагинов, 1998, с. 106).

Поэты, выросшие на юго-западе России (Одесса, Крым, Новороссия), наиболее обостренно воспринимали леденящую и разрушительную силу страшного, обычно зимнего норд-оста по контрасту с обычным южным теплом. Крайней точкой здесь становится его символика «ветра смерти» для моряков:

Море – битва, мачта – знамя.
Вой, реви, рычи, норд-ост. –

Море судно наше гложет,
Как собака гложет кость.
Море нам готовит ложе,
Колыбельную – норд-ост.
(Феррари, 2009, с. 11)

И только им отмерено Судьбой
расстаться с жизнью горестно, но просто: –
с последнею девятою волной!
– с последним свистом зимнего норд-оста!
(Болецис, 2007, с. 54)

Норд-ост, конечно, дует не только на юге. В пейзажах «северных» стихов поэта второй волны эмиграции Б. А. Нарциссова, выросшего в Эстонии, норд-ост становится одним из знаков неизменности климата и пространства Севера, близости смерти, статичности времени, сопряженных с мотивом вечного пути:

С холодных стран, с Карелии, от Колы,
В промерзших елях голосит норд-ост.
<...>

И я в себя вбираю жуть просторов,
И путь в снегах, и древний запах хвой.
От Чуди белой до земли поморов
Ты слышишь ли ночной гудящий вой?
<...>

И пращуров обветренные лица
Со мной идут – невидимо – во мне.
(Нарциссов, 2009, с. 99)

Так, как при викингах. Тут
Нечего ждать перемены:
<...>

Изредка гонят их прочь
Жгучие струи норд-оста:
Пламенем бледным вздымается в ночь
Смерть с Ледяного Погоста.
(Нарциссов, 2009, с. 101)

В его стихотворении «На небе, мутном и черном...» мотив норд-оста как ветра, дующего из сферы смерти, закольцовывает структуру в почти идентичных строфах:

На небе, мутном и черном,
Редкие проблески звезд.
С Берега Смерти упорно
Тянет холодный норд-ост.
(Нарциссов, 2009, с. 149).

Тем не менее, юго-западное восприятие норд-оста в русской поэзии доминирует. Не меньший интерес представляет собой и взгляд на этот ветер с противоположной стороны пространства, из Сибири, откуда он дует на юго-запад. Поэт Л. Мартынов, один из участников «Сибирской бригады», группы «сепаратистов» конца 1920-х гг., в ролевом лирическом стихотворении «Норд-ост» (1925) сопрягает в динамике норд-оста, приходящего с северо-востока, два противоположных географических и климатических пространства: сибирскую тундру и Черное море. Одушевленный норд-ост преодолевает границы и стремительно движется на юго-запад, в инобытийное пространство:

Я норд-ост, родился в тундре,
Но ее покинул вскоре,
Чтоб иные видеть зори
На далеком Черном море.

Выл я в горном коридоре,
На степном ревел просторе,
И теперь, рожденный в тундре,
Я бушую в теплом море.

Так, принявши облик бури,
Мы летим. Пора настала,
Чтоб о нас иное море
Днем и ночью грохотало.
(Мартынов, 1986, с. 50)

Мартынов обычно деромантизирует Юг в пользу почти мифического сибирского Северо-Востока. В стихах «сепаратистского» периода его творчества (группа «Сибирская бригада») оживает легендарное прошлое Сибири с соответствующими первопроходческими мотивами (Северо-Восток, Мангазея, зверобойные промыслы, воинственность):

О неведомом и о таинственном
Говорить без смеха бы не мог
Я, рожденный в племени воинственном,
Покорившем Северо-Восток.

Ну и плыл с товарищами рослыми
Бить зверей на ледяной земле,
Молодые заправляли веслами,
Старики сидели на руле.

У речного устья волны пенятся,
Завывает ветер низовой,
Кто навстречу там скакать не ленится,
Свищет, машет шапкой меховой?

Помню, в Мангазее и в Березове
Нас вводили под уютный кров
Девушки, прельстительны и розовы,
Говорили: «Пей да будь здоров!»

И не рву я с древнею отчизною,
Помню юных дорогих подруг,
А встречая нудную, капризную,
Говорю: «Тебя изнежил Юг!»

День придет, и снова ясно вспомнится
Дикий вихрь пустыни ледяной,
И равно, капризница ли, скромница,
Сделаешься верною женой!
(Мартынов, 1986, с. 444)

Этот локальный (Северо-Восток, Сибирь) и явно позитивный пейзаж — как бы смысловая инверсия оценки России К. П. Победоносцевым, кото-

рую зафиксировал после личной беседы с ним Д. С. Мережковский: «Победоносцев за чайным столом у митрополита Антония:

– Россия – ледяная пустыня, по которой ходит лихой человек» (Мережковский, 1915, с. 361). Лирический герой и персонажи стихотворений Мартынова, люди фронта, очень похожи не только на русских казаков-первопроходцев, но и на этих воображаемых «лихих людей». В стихотворении «Эрцинский лес» (так, на античный манер, назвал сибирскую тайгу путешественник Николай Спафарий) норд-ост снова становится голосом заснеженных райских пространств Сибири:

Я говорил, что дик
Мой отдаленный край.

<...>

Я звал вас много раз
Сюда, в Эрцинский лес,
Чьи корни до сердец,
Вершины до небес!

<...>

Я звал вас в пыльный рай
Необозримых стад.
Делить всё, чем богат,
Я был бы с вами рад.

<...>

Труби, норд-ост могуч,
Что райских птиц косяк
Летит меж снежных туч.

Косяк безгрешных душ
Ему наперерез.

Пути, зима, завьюжь!
В снегах Эрцинский лес
(Мартынов, 1986, с. 94)

В картине мира Л. Мартынова мотивы дикости, вьюги, вихря, ледяной пустыни, обычно характеризующие фронтальное или инфернальное пространство, присущи Сибири как земному парадизу, который находится на северо-востоке, а медиатором коммуникации с Югом становится как раз его посланец, норд-ост.

На первый взгляд географический и климатологический мотивы противоположны относительно любой фиксированной точки или антропоцентричного наблюдателя и актора: северо-восток как пространственное

направление – это вектор, проецируемый от них или активно осваиваемый ими («на северо-восток», «к северо-востоку от...»), тогда как направление ветра, норд-ост, наоборот, превращает их в точку приложения силы, делает их пассивными, будь то сезонная роза ветров или актуальное состояние атмосферы. Но, как известно, порой противоположности сходятся, тем более в поэзии, и становятся тем самым диалектическим единством, которое захватывает нас своей динамикой.

В этом аспекте главным текстом подвижного русского фронта, безусловно, стало стихотворение М. Волошина «Северовосток», вошедшее в его книгу «Неопалимая купина» (1922). Поэт-символист в ней пытается выявить некие скрытые основы русской истории, географии и климатологии в их единстве, как бы возвращаясь к интуициям П. Чаадаева. Например, в стихотворении «Дикое поле», где русский фронт – это динамика поиска воли русскими казаками, выходцами из социальных низов, в разных направлениях:

Стало трудно в Москве дышать.
Гольтьбу с тесноты да с неволи
Потянуло на Дикое Поле
Под высокий степной небосклон:
С топором, да с косой, да с оралом
Уходили на север – к Уралам,
Убегали на Волгу, за Дон.
Их разлет был широк и несвязен:
Жгли, рубили, взымали ясак.
Правил парус на Персию Разин,
И Сибирь покорял Ермак.
(Волошин, 1995, с. 236)

Ветер как одна из стихий, выражающих исторические устремления русской воли, в этом стихотворении уже действует с северо-востока Западной Сибири, древней Угории (Югры): «Только ветер закаспийских угорий // Мутит воды степных лукоморий, // Плещет, рыщет – развалист и хляб // По оврагам, увалам, излогам» (Волошин, 1995, с. 235).

Обстоятельства создания «Северовостока», датированного 31 июля 1920 г., были откомментированы автором как на полях рукописи, так и в берлинском издании «Стихов о терроре» (1923): «Во время болезни и бессонных ночей и северовостока», «перед приходом советской власти в Крым» (Волошин, 1995, с. 629). В дневниках Е. Я. Архипова фиксируется роль норд-оста как экстремального, но творчески значимого фактора

в жизни Волошина в Коктебеле: «Разговор коснулся нашей предшествующей встречи в Танезруфте, в грохоте, свисте и урагане норд-оста...»; «...в марте 1928 года, во время дикого норд-оста, Максимилиан Александрович читал “Бунтовщика”, “Государство” и отдельные стихотворения из “Демонов глухонемых”. <...> Само чтение напоминало “Откровение о грозе и буре”. И тогда оно было как бы естественно вправлено в апокалипсическую звуковую раму норд-оста!» (Архипов, 2016, с. 597, 599).

Стихотворение начинается с аллюзий на балладу Пушкина «Бесы» и поэму «Двенадцать» Блока:

Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперёк.
Рвёт и крутит снежные завесы
Выстуженный северо-восток.
(Волошин, 1995, с. 273)

Блоковский претекст уже подробно прокомментирован исследователями [Бражников, 2011; Опарин, 2005]. Стоит добавить лишь балладное стихотворение «Дикий ветер стекла гнет...» (1916) Блока (ср.: «черный ветер ледяных равнин» (Волошин, 1995, с. 273) / «Если в гости ходит ветер, // Только дикий черный ветер, // Сотрясающий мой дом?» (Блок, 1997, с. 188)). В «Северовостоке» движение России на северо-восток от Москвы изображается поэтом в противоход стихии, северо-восточному ветру, дующему из Сибири в противоположном направлении:

Ветер обнажённых плоскогорий,
Ветер тундр, полесий и поморий,
Чёрный ветер ледяных равнин,
Ветер смут, побоищ и погромов,
Медных зорь, багровых окоёмов,
Красных туч и пламенных годин.

Этот ветер был нам верным другом
На распутях всех лихих дорог:
Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль – на северо-восток.
<...>
Сотни лет навстречу всем ветрам
Мы идём по ледяным пустыням –
Не дойдём и в снежной вьюге сгинем
Иль найдём поруганный наш храм, –

Нам ли весить замысел Господний?
Всё поймём, всё вынесем, любя, –
Жгучий ветер полярной преисподней,
Божий Бич! приветствую тебя
(Волошин, 1995, с. 273–274)

Мы намеренно опустили перечисление поэтом ужасов русской истории, обранных этими мотивами движения против ветра и порожденных им. Метель, пурга, буран угрожают или препятствуют персонажам во многих произведениях русской литературы, не говоря уж о большинстве текстов, в которых изображаются фронтальные арктические, уральские и сибирские пространства степей и тайги.

Прокомментируем прежде всего вектор движения с юга на северо-восток. Как известно, в процессе собирания русских земель с XIV в. Северо-Восточная Русь (Новгородское, Владимиро-Суздальское и Московское княжества) все более успешно конкурировала с Юго-Западной (Галицко-Волынское и Великое княжество Литовское). Более того, довольно долго колонизационная стратегия Великого Новгорода и Московского княжества развивались параллельно друг другу в северо-восточном направлении. В российской историографии, в трудах Н. М. Карамзина, П. И. Небольсина, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского, посвященных как динамике собирания русских земель, так и покорению Сибири Ермаком, это географическое направление выявлено уже давно, его нельзя не заметить на карте. Этот фронт признан и в американской историографии, породившей саму теорию фронта [Выслоужилова, 2024]. После неудачной для Москвы Ливонской войны границы русского государства в XVI–XVII вв. продолжали перемещаться в основном в северо-восточном и восточном направлениях. Именно так были ориентированы первые походы в Югру князя А. Курбского и Ермака. В последние годы в культурологии («геополитике», «геоисториософии») это направление русской колонизации активно переосмысливается из фактически-исторической в мифогенную [Лотман, 2005; Теребихин, 2023], хотя зачастую и с противоположными друг другу смыслами.

Киевлянин по месту рождения и южанин по месту проживания Волошин радикально переосмысливает многовековое перемещение русского фронта на северо-восток России как метаисторическую национальную динамику («мы»). Это движение направлено в инфернальный хаос уже известной нам и неизменной «ледяной пустыни», но оно не подчиняет его себе, а лишь усиливает, превращая экстремальность северной природы

в экстремизм социальной жизни и террор государственного устройства России. Вместо освоения дикого пространства и стихии русский человек оказывается захвачен ими и становится их вечным носителем. Северо-восточный ветер, норд-ост, здесь одновременно выполняет амбивалентную функцию «друга», союзника по хаосу и враждебного начала, препятствующего движению.

Формулу «встречь солнцу», распространенную в донесениях русских первопроходцев XVII в., сменяет «встречь ветру» Волошина. Историческую концепцию поэта наиболее полно резюмировал М. Ю. Лотман: «Итак: (1) вопреки законам физики на северо-восток Россию гонит встречный ветер северо-восток; (2) движение на северо-восток знаменует одновременно как отказ от своих истоков, так и поиск их... (3) северо-восток есть что-то предельно враждебно-чужое и, одновременно, интимно-свое; (4) результатом стремительных порывов является застойная неподвижность... (5) ужасу исторической судьбы противостоит еще более ужасная судьба в самом ближайшем будущем» [Лотман, 2005, с. 27].

Посыл статьи М. Ю. Лотмана представляется нам слишком уж всеохватывающим: отдельные представители российской элиты, не бывавшие в Сибири, действительно связывали с освоением северо-востока страны в прошлом и будущем апокалиптические или утопические ожидания. Яркий пример последних – «Письмо вождям Советского Союза» (1974) А. И. Солженицына, в котором он предлагает бросить все силы страны на освоение русского Северо-востока, как будто демонстративно не замечая усилий государства по освоению нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири в конце 1960-х – начале 1970-х гг.

На самом деле северо-восток в русской истории не пугал своим пространством и климатом, а, наоборот, привлекал промысловых людей, крестьян, купцов возможностями быстрого обогащения. Русское первопроходчество как многослойный феномен предполагало соединение личного интереса с социальной инициативой и государственной необходимостью. Большинство его участников в первые века продвижения русского фронта сами были уроженцами пограничья русского Северо-Востока (Великого Устюга, Тотьмы и прочих славных мест).

Символика русской колонизации у публицистов и литераторов была обусловлена, во-первых, ее интерпретацией как глубинно народной, стихийной, во-вторых, ее по преимуществу «речным» способом передвижения. Эта метафора динамики водной стихии: «...в Сибирь вечно движется колонизационный поток свободных переселенцев из представителей всех

губерний. В сущности, в сибирской жизни совершается вечное движение, постоянный прилив и смешение разнообразных элементов огромной империи» [Ядринцев, 1882, с. 84]; «Стал Дежнев в голове потока; // Тот поток – вся Русь кочевая. // Кто видал, как из озера вешнего // Бьет поток, берега вскрывая, // Убегая от места прежнего, // Достигая нездешнего края?» (Наровчатов, 1985, с. 300–301).

Наиболее ярким воплощением этой метафорики стал роман о походе Ермака «Гуляй Волга» (1932) самого «стихийного», по мнению большинства критиков, русского писателя советского времени А. Веселого. Объемный анализ этой, по преимуществу водной, стихийности содержится в статье Я. В. Баженовой [2023]. То, что у Волошина было заражением «бесовством» («разгулялись бесы»), у Веселого стало проявлением «гульбы» казаков. Наряду с неизбежной и преобладающей в повествовании водной символикой (Волга, Кама, путь по уральским и сибирским рекам, смерть Ермака) в общее смысловое поле казачьей стихии встраивается и ветер, почти всегда поддерживающий динамику воды, даже в метафоре: «Ветер колыхал траву, гнал ковыльную волну»; «С понизовья грозил ветер. Стремил Волга к далекому морю бег мутной волны. Пустынны и глухи лежали берега, над песчаными косами курились пески, текли синеющие дали <...> Крутой ветер буянил на просторе, кипящие волны были похожи на пирующих победителей какой-то несметной орды»; «Навалился ветер, и заходила, задышала Волга» (Веселый, 1958, с. 31–32).

Историософская концепция Волошина повлияла и на визионера Д. Андреева. Так, в стихотворении «Размах» (1950) движение русских первопроходцев на восток мотивировано тягой к предельному, дальнему, глубокому в обрамлении мотивов стихии, как в «Диком поле» и «Северовостоке» Волошина:

К мировому Устью истории
Схожий с бурей полет страны.

Пламень жгучий и ветер морозный.
Тягу – вглубь, дальше всех черт,
В сердце нес Иоанн Грозный,
И Ермак, и простой смерд.

За Урал, за пургу Сибири,
За Амурский седой вал,

Дальше всех рубежей в мире
Рать казачью тот зов гнал.
(Андреев, 1996, т. 3, с. 137–139)

В поэме «Гибель Грозного» (1950) это единая воля власти и активной части народа в лице казаков изображается как союз с ветром, бурей, покорение диких пространств безотносительно географического направления: «У кого ж казачья душа, Кто с падорой вольной обручен // – Правь струги по волнам Иртыша! // Шли царю ясак свой да поклон! (Андреев, 1996, т. 3, с. 219); «Ну, так что ж? Да будет так! Урманные // На закат, на север, на восток // Ждут леса и дебри басурманные, // Чтоб Господь их Русью обволок» (Андреев, 1996, т. 3, с. 222). «Падору» («падеру»), синоним бури или метели (ср. с пургой Волошина) В. И. Даль определяет следующим образом: «...буря с вихрем, дождем, со снегом, зимнее ненастье, дряпня, мокредь, метель, выюга, при сильном ветре; падарь, зимняя непогода, снег и ветер»⁶.

В драматургии и прозе советского периода норд-ост становится источником в основном сюжетных перипетий. В пьесе «Норд-Ост» (1928) Д. Е. Щеглова название обозначило одновременно местоположение Советского Союза по отношению к Западу и возможность перемены участи главной героини, американки Оллан Хартлей, которая очарована русским персонажем и хочет вернуться в страну Советов. Эта героиня пьесы и фильма в 1919 г. с приключениями выбралась из сибирской пурги, в экстремальной ситуации предпочтя британскому мужу любовника-большевика (драма «Пурга» (1927) все того же Д. Е. Щеглова) (Щеглов, 1936; 1940).

То, что «Норд-Ост» стал сиквелом «Пурги» с тем же женским персонажем, а в экранизациях – с теми же режиссером и актрисой, далеко не случайность: несмотря на крайнюю идеологизированность обеих пьес, многодневная «пурга», ветер норд-ост и северо-восточная локация прочно сцеплены в ассоциативном поле русской культуры.

Если вернуться к авторским мотивировкам названия мюзикла «Норд-Ост», то последняя из них (Норд-Ост как Россия в целом, поскольку находится на северо-востоке Европы) по крайней мере напоминает пьесу Щеглова. Авторы, выпускники географического факультета МГУ, демон-

⁶ Даль В. И. Падера // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://gufo.me/dict/dal/падера> (дата обращения 13.02.2025).

стративно проигнорировали общепринятое представление, что Россия расположена на северо-востоке Евразии.

Спустя несколько веков после колонизации Сибири теперь уже уместно вести речь о северо-востоке России, находящемся в Азии. В русской литературе советского периода уникальная природа, экономика, социальное и этническое разнообразие Таймыра, севера Якутии, Магаданского края, Чукотки, Камчатки – регионов современного географического северо-востока страны и история его освоения разными волнами первопроходцев стали в XX в. темой изображения в творчестве А. И. Алдана-Семенова, В. Т. Шаламова, К. Лисовского, И. Рождественского, С. Болдырева, О. Куваева, наконец, писателей и поэтов, представляющих коренные этносы Сибири и Дальнего Востока. Это отражается и в паратекстах: так, с 1977 г. по середину 1980-х на Камчатке вышло пять краеведческих сборников «Норд-ост», включавших в себя разнообразные материалы по истории полуострова, очерки и рассказы местных журналистов и писателей.

В вою очередь, мотив норд-оста как ветра, несущего перемены, и одновременно паратекстуального знака использовался в прозе 1960–1970-х, в частности в неприятии в «производственном» рассказе В. А. Монастырева «Норд-ост» (1963) и повести для подростков А. И. Мошковского «Когда налетел норд-ост» (1979).

Уже в наше время на воображаемом фронтире наступающей христианской цивилизации России и языческого мира символика стихотворения М. Волошина может быть снова актуализирована. Так, в квазиисторическом романе А. Иванова «Сердце пармы» (2003) поход пермского князя Михаила в земли вогулов, по льду реки Вишера (т. е. вверх по течению, на северо-восток), сопровождается пересечением некоего невидимого, но ощущаемого фронта. Это событие сопровождают видения inferнальных образов из мансийских и коми-пермяцких мифов:

Однако ночами – хоть ярко-лунными, когда под косматыми вогульскими созвездиями на берегу пылали костры, хоть метельными, когда раздувало шатер и в опустившейся тьме по небу, по деревьям, по реке неслись снежные колеса, – вдруг мороком обволакивало князя, словно сзади кто-то стоял и ждал; давно стоял, близко. И во тьме князь ясно видел, что забрел он не в зачарованные земли, а прямо в горло Пети-Ура, ледяного вогульского ада. И здесь, крутясь смерчем, шагал по лесам бог ветра Шуа, метлою смахивая все со своего пути. И тряс небосвод, разгоняя волны северного сияния, великий бог Войпель. А откуда-то из-за медвежьей лапы Манараги, над самоедскими мертвыми кряжами, несло из жерла огромной пещеры сты-

лое дыхание Омоля, в потоке которого плясал и подвывал от радости демон Куль, вновь укравший солнце и спрятавший его в расселине Горы Мертвецов. На Нэпупыгуре, пермячком Тэлпозизе, в своем гнезде ворочались, хлопали крыльями, разбрасывали белые перья ветры (Иванов, 2006, с. 158–159).

Итак, события освоения / покорения чужого / нового природного, социального, эстетического пространства осмысляются в русской культуре в символических образах природной стихии и хаоса (ветер, пурга, пустыня, сфера инфернального). В свою очередь, акторы такого освоения тоже представляют собой стихию социальную (вольное казачество, сибиряки и т. п.). Частичная неосвоенность востока и северо-востока России порождает фронтирный дискурс с постоянной востребованностью роли первопроходца.

Список литературы

Баженова Я. В. Смена идеологии и трансформация поэтики советского исторического романа (Ермак в романах А. Веселого и Е. Федорова) // Вестник Том. гос. ун-та. 2023. № 497. С. 16–25. DOI 10.17223/15617793/497/2.

Бражников И. Л. Ветер истории («Стихийные» метафоры в поэме А. Блока «Двенадцать») // Вестник Сургут. гос. пед. ун-та. 2011. № 3 (14). С. 178–183.

Выслоужилова Д. Л. Северо-восточный фронт Рюриков: отражение теории границы в американской медиевистике XX в. // Вестник Удмурт. гос. ун-та. 2024. Т. 34, вып. 3. С. 642–650.

Даль В. И. Падера // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://gufo.me/dict/dal/падера> (дата обращения 13.02.2025).

Лотман М. Ю. О семиотике страха в русской культуре // Семиотика страха / Сост. Н. Букс, Ф. Конт. М.: Изд-во «Европа», 2005. С. 13–35.

Опарин П. Г. Книга М. А. Волошина «Путями Каина» в литературном контексте первой трети XX века: историософия и поэтика. Киров, 2005. 190 с.

Теребихин Н. М. Северо-Восточный текст русской геоисториософии, геопэтики и сакральной географии // Вестник Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 104–113. DOI 10.37482/2687-1505-V274

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

Список источников

- Андреев Д. Л. Собр. соч.: В 3 т. М.: Урания, 1996.
- Архипов Е. Я. Рассыпанный стеклярус: Сочинения и письма. М.: Водолей, 2016. Т. 1. 656 с.
- Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Наука, 1997. Т. 3. 989 с.
- Болеиц Н. Стихи // Поэты Пражского «Скита»: Проза. Дневники. Письма. Воспоминания. СПб.: Росток, 2007. С.48–71.
- Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. М.: Худож. лит., 1987.
- Вагинов К. К. Стихотворения и поэмы. Томск: Водолей, 1998. 192 с.
- Веселый А. М. Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1958. 647 с.
- Волошин М. А. Стихотворения и поэмы. СПб.: Наука, 1995. 704 с.
- Иванов А. Сердце пармы. СПб.: Азбука-классика, 2006. 576 с.
- Каверин В. Два капитана. Челябинск: Челяб. кн. изд-во, 1961. 551 с.
- Куприн А. И. Собр. соч.: В 9 т. М.: Правда, 1964.
- Мартынов Л. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1986. 779 с.
- Мережковский Д. С. Было и будет. Дневник 1910–1914. Пг.: Т-во И. Д. Сытина, 1915. 369 с.
- Наровчатов С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1985. 463 с.
- Нарциссов Б. А. Письмо самому себе: стихотворения и новеллы. М.: Водолей, 2009. 430 с.
- НОРД-ОСТ. URL: <http://www.nordost.ru/show/quest> (дата обращения 23.07.2025).
- Норд-ост. Либретто. URL: <https://vk.com/away.php?to=http%3A%2F%2Fostnord.narod.ru%2F&utf=1> (дата обращения 25.07.2025).
- Феррари Е. Эрифилли. М.: Водолей, 2009. 80 с.
- Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1990. 798 с.
- Шенгели Г. Стихотворения и поэмы: В 2 т. М.: Водолей, 2017.
- Щеглов Д. А. Норд-Ост. М.; Л.: Центр. упр. по распространению драматург. продукции Цедрам, 1936. 55 с.
- Щеглов Д. А. Пурга. М.: Искусство, 1940. 132 с.

References

Bazhenova Ya. V. Smena ideologii i transformatsiya poetiki sovetskogo istoricheskogo romana (Ermak v romanakh A. Vesolyo i E. Fyodorova) [Change of ideology and transformation of the poetics of the Soviet historical novel (Yermak in the novels by A. Vesolyo and E. Fedorov)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023, no. 497, pp. 16–25. (in Russ.). DOI 10.17223/15617793/497/2

Brazhnikov I. L. Veter istorii (“Stikhiinye” metafory v poeme A. Bloka “Dvenadsat”) [The Wind of History (“Spontaneous” metaphors in A. Blok’s poem “The Twelve”)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, no. 3 (14), pp. 178–183. (in Russ.)

Dal V. I. Padera. In: Dal V. I. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. (in Russ.) URL: <https://gufo.me/dict/dal/padera> (accessed: 13.01.2023).

Lotman M. Yu. O semiotike strakha v russkoi kul'ture [On the Semiotics of Fear in Russian Culture]. In: *Semiotika strakha*. Moscow, Evropa Publ., 2005, pp. 13–35. (in Russ.)

Oparin P. G. Kniga M. A. Voloshina “Putyami Kaina” v literaturnom kontekste pervoi treti XX veka: istoriosofiya i poetika [M. A. Voloshin’s Book “The Ways of Cain” in the Literary Context of the First Third of the 20th Century: Historiosophy and Poetics]. Kirov, 2005, 190 p. (in Russ.)

Terebikhin N. M. Severo-Vostochnyi tekst russkoi geoistoriosofii, geopoetiki i sakral'noi geografii [The North-Eastern Text of Russian Geohistoriosophy, Geopoetics, and Sacred Geography]. *Vestnik Sevtrnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 104–113. (in Russ.) DOI 10.37482/2687-1505-V274

Vyslouzhilova D. L. Severo-vostochnyi frontir Rusi: otrazhenie teorii grani-tsy v amerikanskoi medievistike XX v. [The Northeastern Frontier of Russia: A Reflection of the Border Theory in 20th Century American Medieval Studies]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2024, vol. 34, iss. 3, pp. 642–650. (in Russ.)

Yadrintsev N. M. Sibir' kak koloniya. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i budushchee [Siberia as a Colony. Its Needs and Requirements. Its Past and Future]. St. Petersburg, M. M. Stasyulevich, 1882, 471 p.

List of Sources

Andreev D. Collected works. In 3 vols. Moscow, Uraniya, 1996. (in Russ.)

Arkhipov E. Ya. Rassypannyi steklyarus: Sochineniya i pis'ma [Spilled Glass Beads: Essays and Letters]. Moscow, Vodolei Publ., 2016, vol. 1, 656 p. (in Russ.).

Blok A. A. Complete Works and Letters. In 20 vols. Moscow, Nauka, 1997– (in Russ.)

Bolecis N. Stikhi [Poems]. In: Poety Prazhskogo “Skita”: Proza. Dnevnik. Pis'ma. Vospominaniya [Poets of the Prague Skite: Prose. Diaries. Letters. Memories]. St. Petersburg, Rostok, 2007, pp.48–71. (in Russ.)

Bunin I. A. Collected works. In 6 vols. Moscow, Khudozhtstvennaya literatura, 1987. (in Russ.)

Ferrari E. Erifilli. Moscow, Vodolei Publ., 2009, 80 p. (in Russ.)

Ivanov A. Serdtse parmy [The heart of Parma]. St. Petersburg: Azbukaklassika, 2006, 576 p. (in Russ.)

Kaverin V. Dva kapitana [Two captains]. Chelyabinsk, Chelyabinsk Book Publ., 1961, 551 p. (in Russ.)

Kuprin A. I. Collected works. In 9 vols. Moscow, Pravda, 1964. (in Russ.)

Martynov L. Stikhotvoreniya i poemy [Lyrics and poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1986, 779 p. (in Russ.)

Merezhkovsky D. S. Bylo i budet. Dnevnik 1910–1914 [Diary 1910–1914]. Petrograd, I. D. Sytin and Co., 1915, 369 p. (in Russ.)

Nartsissov B. A. Pis'mo samomu sebe: stikhotvoreniya i novelly [A Letter to Myself: Poems and Stories]. Moscow, Vodolei Publ., 2009, 430 p. (in Russ.)

NORD-OST. (in Russ.) URL: <http://www.nordost.ru/show/quest> (accessed: 23.07.2025).

Nord-Ost. Libretto. (in Russ.) URL: <https://vk.com/away.php?to=http%3A%2F%2Fostnord.narod.ru%2F&utf=1> (accessed: 25.07.2025).

Shcheglov D. A. Nord-Ost. Moscow, Leningrad, 1936, 55 p. (in Russ.)

Shcheglov D. A. Purga [Snowstorm]. Moscow, Iskustvo Publ., 1940, 132 p. (in Russ.)

Shengeli G. Stikhotvoreniya i poemy [Lyrics and poems]. In 2 vols. Moscow, Vodolei Publ., 2017. (in Russ.)

Tsvetaeva M. I. Stikhotvoreniya i poemy [Lyrics and poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1990, 798 p. (in Russ.)

Vaginov K. K. Stikhotvoreniya i poemy [Lyrics and poems]. Tomsk, Vodolei Publ., 1998, 192 p. (in Russ.)

Vesely A. M. Selected works. Moscow, Goslitizdat, 1958, 647 p. (in Russ.)

Voloshin M. A. Stikhotvoreniya i poemy [Lyrics and poems]. St. Petersburg, Nauka, 1995, 704 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Валерий Владимирович Мароши, доктор филологических наук, доцент

Information about the Author

Valerij V. Maroshi, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 25.07.2025;
одобрена после рецензирования 10.08.2025; принята к публикации 10.08.2025
The article was submitted on 25.07.2025;
approved after reviewing on 10.08.2025; accepted for publication on 10.08.2025*